

которому “отдает *честь*”: но в то же время всеми святыми инстинктами чувствует в себе, что государство — это громадная и гордая машина, кой в чем должна и сообразоваться с его поэтическими вдохновениями» (КНУ, 38). В конечном счете Р. занимает позицию патриота-державника, для которого Г. — одна из высших ценностей: «Обществу нужно одно, а государству — совсем другое», “приятное для общества — разрушительно для государства”. Общество по существу своему есть анархическая сила, — анархизм которой ничему не грозит единственно потому, что оно плавает поверх народа, как сливки, что оно сыто, обеспечено и вообще не движется никакой горькой нуждой. Но распространите нравы общественной *жизни*, эти свободные, распущенные, сладкие нравы, на народную жизнь, где живет нужда, *горе*, — и вы немедленно получите восстание, взрывы, революционное клочкотание, увидите *кровь*, насилие, истребление чужой жизни и чужого имущества» (РГО, 480). Ценность Г. особенно проявляется, по Р., в *войне*: «Вот это ощущение Государства есть вещь, ничем не заменимая в смысле обучения. В год войны мы многому научимся, — прямо перед нами многое новое и неожиданное раскроется, — и в новую *Думу* соберутся люди с запасом совсем иных чувств и иного сознания в груди. “Научиться Государству” — нельзя из лекций и из *книг*, а *газеты* и вообще печатная “обывательщина”, — газеты, беллетристика, *театр* — только “разучивают Государству”, закрывая и затягивая все его *бытом* и бытом, все житейскими и житейскими “язвительностями”. Все это имеет свою цену и хорошую цену; но, однако, все это совершенно закрывает от нас одну великую драгоценность — вооруженное, могучее Отечество, готовое пойти на врага. В “быту” мы все, естественно, слишком раздробились и только в войне чувствуем себя “все вместе”. Это несравненный опыт. Это то политическое воспитание, которого вовсе не дают нам юридические факультеты, которое суть какое-то “книжничество и фарисейство государственности”. Скелет и *душа* государственности, т.е. ее “твердое” и вместе ее “одушевление”, есть действительно воинство на полях битв. Воинство — с его великой готовностью умереть... Что может быть выше, что может быть героичнее, что может быть священнее этой готовности и решимости!» (ПЛ, 268). В Г. аккумулируются, по Р., сила, энергия, лучшие нравственные качества народа. «Иногда мы жалуемся, что у нас нет “такого совершенного *правительства*, как английское”, которое дало даже гражданам “*Habeas Corpus*”, по которому полиция не может входить в дом частного человека etc. Но какой же *русский человек* — “частный человек”? Полиция (наша) и не входит в крестьянские избы, в поповские дома и вообще туда, где есть “частный быт”, живут “частные люди”. Она входит “к нам”, интеллигентам и горожанам, которые и за 40 лет живем, “как *студенты*”, читаем “Что делать?” и не прочь начинить бомбочку, которою может прошибить стену и убить соседа. Для “образованного русского человека” ведь нет “соседей”, нет вообще людей, — а только “он сам”, во всей вселенной “один” он “сам”. И вот за этим “самым” вселенная естественно и присматривает, командируя на сей случай полицию» (КНУ, 453). Р. понимал свободу человека весьма ограничительно, как составную часть российского абсолютизма. Г. и

личность, по Р., есть органическое целое, не знающее противоречий. Подданный Российской Империи может обрести подлинную свободу только в рамках служения и поддержки монархии, на пути сохранения и укрепления державных традиций. В этом смысле Р. отмечает, что «политическая свобода и гражданское достоинство есть именно у консерваторов, а у “оппозиции” есть только лакейская озлобленность и мука “о своем ужасном положении”» (У, 279). Конфликт между личностью и Г., как полагает Р., наблюдается только в «болезненной» интеллигентской среде, представители которой, страдающая крайним индивидуализмом и эгоцентризмом, ступили на путь борьбы с законной властью. Губительное влияние *интеллигенции* проявилось, в частности, в том, что в *России* государственная деятельность стала восприниматься как нечто второстепенное: «Серьезнее серьезного, что в государстве и даже до некоторой степени мировой державе государственные люди были большие любители *литературы*, газет, журналов, впрочем, больше — повестей и стихов; а государственными делами занимались, о них думали, о них в самом деле болели *умом* и сердцем, наконец, из-за них ссорились и ненавидели друг друга фельетонисты и журналисты. Причем и они-то занимались этим к большому неудовольствию “настоящих государственных людей”, которые в их сторону говорили: — Э, бросьте... Мы сами не занимаемся, чего вы лезете? Пишите стихи, да хорошо пишите, чтобы мы в старости видели, что муза *Пушкина* не замолкла и слава российская не увядает» (КНУ, 76). По Р., в России государственная деятельность была заменена деятельностью литературной, что и погубило страну. О «наших русских» Р. говорил: «Карточного домика построить не умеют. Но зато надеются, верят и рвутся построить идеальное государство» (М, 12).

В.Н. Жуков

ГРАВЮРА — по воспоминаниям И. Лазаревского, Р. «любил и граверное *искусство* и русских граверов он знал хорошо. Вспоминаются вечера, проведенные с ним в собраниях Тевяшова, Рейтерна, Толстого» (Среди коллекционеров. М., 1922. № 2. С. 38). «Нашим знаменитым гравером» Р. считал В.В. Матэ («В.А. Серов на посмертной выставке» // НВ. 1914. 2 февр.; НФП, 241), который работал с монетами Р. и писал ему об этом 7 февраля 1912 (ОР РГБ. Ф. 249. М. 4216. Ед. хр. 8). Р. мечтал иметь *портрет* умирающего Ф.Э. Шперка, выгравированный именно Матэ (У, 315). Зная розановское увлечение Г., К.А. Сомов предлагает ему показать «японские гравюры» (ОР РГБ. Ф. 249. М. 4216. Ед. хр. 15). Рассматривая немецкий замок, в котором провела свое девичество императрица Александра Федоровна, Р. отмечает, что там «гравюры превосходны» (ЗРП, 240). Для Р. «не забываемы» хранящиеся в *Эрмитаже* Г. XVIII в. — «драгоценный эстамп» с Елизаветы в младенчестве, «величественная *Екатерина*»: «Все это величие и слава, когда-то былое в *России*, но теперь погибшее» (МЛ, 528). В 1919 Р. упоминает Г. «*Ломоносова*», которые хранит «до сих пор», а также гравюрные портреты Тредиаковского и Сумарокова (МЛ, 528).

А.А. Медведев

«ГРАЖДАНИН» — политическая и литературная газета-журнал, основанная кн. В.П. Мещерским, издава-